

А. М. Сологубов

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ
СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДОЙ
И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ**

На основе источников военного времени реконструируется образ Восточной Пруссии, созданный советской военной пропагандой, рассматриваются обстоятельства его формирования. Показывается использование этого образа на протяжении послевоенных десятилетий. Пропагандистская деятельность интерпретируется как одна из практик освоения культурного пространства Восточной Пруссии.

On the basis of war-time sources, this article reconstructs the image of East Prussia created by Soviet propaganda and considers the context of its formation. The author demonstrates the use of this image over post-war decades. Propaganda discourse is interpreted as a practice of cultural assimilation of East Prussia.

Ключевые слова: военная пропаганда, Восточная Пруссия, Калининградская область, освоение культурного пространства.

Key words: military propaganda, East Prussia, Kaliningrad region, cultural assimilation of territories.

Содержание и методы советской пропаганды в отношении истории Восточной Пруссии и ее культурного наследия были затронуты в работах немецких исследователей Э. Маттеса, Б. Хоппе и П. Бродерзена, которые занимались изучением образования Калининградской области и первых лет ее существования [25–27]. Ю. В. Костяшовым военная пропаганда рассмотрена в связи с формированием исторического сознания жителей Калининградской области в послевоенные годы [13]. Риторика пропагандистского образа Восточной Пруссии в «дискурсе о родной земле» рассматривалась автором настоящей статьи [22]. Однако его генезису и трансляции до сих пор практически не уделялось внимания.

Источниками нашего исследования стали около ста публикаций в газетах «Красная звезда», «Известия», «Правда» с октября 1944 по май 1945 г., в газетах «Калининградская правда», «Калининградский комсомолец» второй половины 1940-х – первой половины 1960-х гг. Мемуары представлены полутора десятками воспоминаний ветеранов из командного и рядового состава Советской армии, «лейтенантской прозой».

«Давление силой оружия, подкрепленное силой слова» [3, с. 286].

На формирование образа Восточной Пруссии советской военной пропагандой повлиял ряд факторов: (пейоративные) лексика и риторика времен Гражданской войны и военного коммунизма, обусловившие язык советских газет 1920–1930-х гг. [23], новояз сталинского периода (приблизительно с 1930 г.) [6] и, собственно, общие методы веде-

ния пропаганды [3; 14]. Теоретические истоки этого образа следует искать в атмосфере предвоенного времени, в высказываниях советских политиков и участвовавшей в идеологической борьбе интеллигенции (акад. Е. В. Тарле, проф. Н. П. Грацианский и др.) [21].

Вместе с боевыми частями границу Третьего рейха пересекли корреспонденты фронтовых и центральных газет (в частности, сотрудниками «Красной звезды» были поэт А. Т. Твардовский и писатель И. Г. Эренбург), художники, фотографы. Они создавали для солдат образ вражеской земли и ее жителей, «в конкретной и доходчивой форме» показывало бойцу «отвратительное нутро берлоги немецкого зверя», учило «осмысливать то, что он видит на вражеской земле», разжигало «в сердцах своих читателей пламя ненависти к врагу» [5]. Советские военные пропагандисты ко времени вступления Красной армии на территорию Германии приобрели значительный практический опыт [14]. Обзор газет 1944–1945 гг. показывает многообразие использовавшихся средств. Наряду с пропагандистскими передовицами публиковались путевые очерки, письма, стихи, рисунки, карикатуры, фотографии, пародии. В них описаны психология, нравы и быт немцев, восточнопрусская ландшафт, представлена краткая история Восточной Пруссии с древнейших времен и до наших дней. Зачастую статьи имеют хорошее литературное качество.

Большой вклад в создание образа немца-врага и его страны внес И. Эренбург, самый известный из авторов, за годы войны опубликовавший в советских и зарубежных газетах около полутора тысяч статей. Источниками вдохновения для писателя были его личные наблюдения, рассказы жителей освобожденных городов, фронтовые письма, дневники и письма убитых немцев (один такой эпизод упоминает генерал-полковник А. В. Горбатов [9, с. 318]). Наиболее известной стала его статья «Убей!» в «Красной звезде» от 24 июля 1942 г. Восприятие призывов Эренбурга, в частности в условиях боев в Восточной Пруссии, было неоднозначным: «Я помню, как нужны нам были статьи Эренбурга ненависть была нашим подспорьем, а иначе чем было еще выстоять» [10]; «...мы все – генералы и офицеры – поклонники Эренбурга. Какой мести научили: немцам юбки задираТЬ, грузить чемоданы, добро растаскивать» [12, с. 152]; «Накануне перехода на территорию Рейха в войска приехали агитаторы. Некоторые в больших чинах. – Смерть за смерть!!! Кровь за кровь!!! Не забудем!!! Не простим!!! Отомстим!!! – и так далее... До этого основательно постарался Эренбург, чьи трескучие, хлесткие статьи все читали: “Папа, убей немца!” И получился нацизм наоборот» [16, с. 161].

Со вступлением на территорию Германии политорганы стали работать интенсивнее, поскольку ожидалось более упорное и ожесточенное сопротивление немцев [20, с. 44]. В помощь фронтовым политорганам ГПУ направило пропагандистскую бригаду во главе с профессором-историком И. С. Брагинским, полковником, начальником кафедры спецпропаганды военно-политического факультета Военного института иностранных языков [3, с. 259–260]. При подготовке к Восточно-Прусской операции политработники и командиры провели в войсках

«большую организационную и политико-воспитательную работу», целый комплекс пропагандистских мероприятий: собрания, митинги, встречи с ветеранами, в том числе воевавшими в этих местах в Первую мировую. Рассказывалось об истории частей, о боевых традициях Советской армии, о насилии, грабежах, убийствах, совершенных немецкими войсками на оккупированных территориях СССР; выступали матери погибших героев; проводилась работа по интернациональному воспитанию [12; 7, с. 215, 369].

С какой аудиторией работали фронтовые пропагандисты? Только в одном из полков у 158 бойцов были убиты и замучены близкие родственники, у 56 военнослужащих угнаны в Германию семьи, у 152 семьи остались без крова, у 293 было разграблено имущество и угнан скот и т.д. [7, с. 216–217]. Имели значение уровень образования солдат, национальный состав боевых частей, различные морально-психологические факторы. Почти для всех бойцов это было первое знакомство с заграницей, с неизвестным и чуждым образом жизни.

«В логове фашистского зверя».

О том, что солдаты вступают в «логово фашистского зверя», объявляли установленные на пересеченной границе щиты [16, с. 162]. На стенах домов взятых городов передовые части оставляли лозунги: «Вперед! Добьем фашистского зверя в его собственной берлоге! Отомстим врагу!» [18]. Эти лозунги повторяли слова из обращения военного совета 3-го Белорусского фронта, зачитанного в подразделениях перед вступлением в Восточную Пруссию [7, с. 215, 368].

В газетах за октябрь 1944 г. и в многочисленных послевоенных воспоминаниях остались свидетельства об эмоциональном подъеме, который испытывали бойцы, пересекая вражескую границу. Усиливать его должны были пропагандистские статьи. В них излагались простые, яркие и запоминающиеся сюжеты из мрачной прусской истории. Сообщения об истязаниях немцами пленных, об угнанных на принудительные работы советских гражданах, об обнаруживаемых повсеместно в прусских домах и хозяйствах вещах советского производства, вывезенных немцами из СССР в качестве трофеев, не могли оставить солдат равнодушными.

Газетные статьи 1944–1945 гг. содержат характеристики Восточной Пруссии и ее жителей, задавшие на будущее стандарт выразительных средств для описания немецкого периода истории этой земли. Основным из этих средств была зооморфная метафорика, сопровождающая политические и военные коллизии всех времен и народов, каков бы ни был неприятель – национальный, религиозный или классовый [6; 23; 24]. Пруссия называется логовом, берлогой, питомником (осиным, змеиным, звериным, разбойничьим). Ее жители – скотоводы, живодеры, псы, хищники, волки, разбойники. Они тупы, надменны, жестоки, спесивы. Это страна-крепость, где «все дышит войной», где оборонительные сооружения строились в течение десятков и сотен лет, где слово «дом» надо читать как «дот». Устойчивым стало словосочетание «глубоко эшелонированная долговременная оборона».

Военная пропаганда попадала на благоприятную почву. Как вспоминали ветераны, «за годы войны Германия сделалась для нас страной кровавой и проклятой, и в слове “немец” слышалось нам что-то злое, нечеловеческое...» [8].

Непрекращающийся штурм.

Для первых советских поселенцев в Восточной Пруссии — солдат-участников Восточно-Прусской операции — официальный образ врага-фашиста и его обиталища определял первые шаги по новой земле. Чуть позже сюда приехали переселенцы из пострадавших от войны областей СССР. Первые жители были аудиторией много повидавшей, воспринимавшей пропагандистский образ этой земли вполне естественно. Пропаганда действовала успешно, о чем свидетельствуют воспоминания в конце 1960-х гг. одного из переселенцев, направленных в 1946 г. на Калининградский вагоностроительный завод: «О Кёнигсберге мы слышали и раньше. Знали, что это бывшая столица Восточной Пруссии, город, являвшийся оплотом немецкой военщины» [17, с. 127]. В создававшейся картине местной истории возник, однако, диссонанс. In abstracto подчеркивалось, что это вражеская земля, что отсюда начинались войны, что здесь жили «поколения захватчиков», а in concreto этому противопоставлялся новый образ этой земли как родной.

Война и Победа — центральные события в картине истории Калининградской области. Именно с описания войны (различных эпизодов Восточно-Прусской операции) начиналось изложение местной истории. Но это уже не та война, что представляли сухие фронтовые сводки или эмоциональные пропагандистские тексты военного времени, которые «поднимали наступательный порыв воинов, воодушевляли их на героические подвиги». Это война-эпос, историко-героический жанр, в нем уже почти отсутствуют упоминания о бывших жителях Восточной Пруссии.

Тексты, написанные в военное время, неоднократно переиздавались в Калининградской области (например, статьи фронтовых корреспондентов М.Г. Брагина, В.А. Величко, Е.Г. Кригера и других в сборнике «Штурм Кёнигсберга» [28]) и за ее пределами. Калининградцам были доступны также многочисленные воспоминания участников боев в Восточной Пруссии, изданные в 1960–1980-е гг. Словно перелистав старые военные газеты, излагает прусскую историю участник Восточно-Прусской операции генерал-полковник К.Н. Галицкий, в 1945–1946 гг. командующий войсками Кёнигсбергского особого военного округа: «очаг и форпост германского империализма на востоке», «гнездо юнкерства и прусской военщины», «рассадник наиболее реакционных идей прусского милитаризма», «плацдарм для вторжения», «тени немецких псов-рыцарей» [7, с. 9–10, 437].

«Канонические» тексты и их фрагменты воспроизводились на протяжении последующих лет существования Калининградской области в более или менее неизменном виде. Иногда имело место их буквальное переписывание, иногда — творческое переосмысление. Например, сразу после штурма Кёнигсберга в «Правде» была опубликована большая статья о взятии города. Королевскому замку как символу пруссачества в

ней уделено особое внимание: «...в центре столицы — цитадель — остроконечный камень чудовищных размеров, в котором просверлены, высечены, выдолблены галереи, ходы, казематы. Они уходят глубоко под землю» [19]. Автор более поздней статьи (1951 г.), видимо, счел эту риторическую фигуру повтора (синонимии) удачной и воспроизвел ее: «В центре прусского разбойничьего государства стояла цитадель, в которой были просверлены, высечены, выдолблены галереи, уходящие глубоко под землю казематы» [15].

Работы, в которых излагалось начало калининградской истории, на протяжении нескольких десятилетий писались довольно узким кругом одних и тех же авторов, использовавших известный набор первоначальных «канонических» метафор (тем более что эта метафорика находила живой отклик среди ветеранов и людей, видевших войну), которые были повторены даже в этом, позднем советском тексте 1988 г.: «навсегда уничтожено гнездо прусского милитаризма», «древняя цитадель тевтонских крестоносцев — псов-рыцарей», «глубоко эшелонированная оборона», «оплот прусского милитаризма и фашистской агрессии» и т. д. [11, с. 13–14].

Риторика военных лет, относящаяся к Восточной Пруссии, стала привычной для молодых поколений калининградцев. В советское время молодежь могла получать историческое знание из сравнительно небольшого корпуса местных работ, характер которых представлен выше. Ознакомление с ними происходило, в частности, в школе: «1. Определите значение Восточно-Прусской операции для общей победы Советской армии в Великой Отечественной войне. 2. Расскажите о героизме и отваге советских воинов, участвовавших в восточно-пруссских сражениях. <...> 7. Подготовьте и проведите читательскую конференцию для учащихся по книгам о Восточно-Прусской операции» [1, с. 51–52]. Таким образом, трансляция была обеспечена *ab incunabulis*.

Героике военного начала Калининградской области созвучна была и особая военная риторика. Начиная с 1920-х гг. в СССР выработался язык, которым пользовались гражданские люди, но который был, по сути, военным языком (например, в вузах до сего дня употребляется термин «профессорско-преподавательский *состав*», с аббревиатурой ППС, образованный по аналогии с «командным *составом*»). Вот типичные названия публикаций в калининградской прессе 1940–1950-х гг.: «Встретить весну во всеоружии», «Молотилки в боевую готовность!», «Любовь к своему городу докажем боевыми делами!» и т. д. (о военных метафорах в довоенных СССР и Германии см., напр.: [6]). В следующем отрывке из газетной статьи восстановление бывшего немецкого завода сравнивается с боевым наступлением, и, конечно, такое наступление должно закончиться победой: «Да, это действительно похоже на хорошо продуманное и подготовленное наступление. Наступление на мертвую технику...» [4]. Война закончилась, но еще долгие годы мирный труд сравнивался с битвой (со штурмом Кёнигсберга): «...Радостно, что они нашли свое место в новом штурме, который не прекращается все эти 19 лет» [2].

Пропагандистская риторика первых дней знакомства русских людей с Восточной Пруссией в 1944–1945 гг. иногда используется в общественной жизни и в настоящее время.

Уже в конце октября 1944 г. фронтовые корреспонденты, невольно прозревая будущее, отметили важный процесс: «Наши войска с боями идут дальше на запад. Наступление продолжается. Первые квадратные километры вражеской земли уже по-хозяйски осваиваются нашими войсковыми тылами» [18]. Это было началом «военного» освоения, неизбежного и существенного этапа, предшествовавшего «гражданскому» освоению. В повседневном обиходе комендатур, тыловых и пограничных частей зазвучали непривычные русскому уху немецкие названия. На немецкой земле появились русскоязычные дорожные указатели, лозунги, объявления... Образовывался своеобразный *семиоценоз*, вбиравший личный опыт воевавших, продукты пропаганды, чужую топонимию и т.д. В этом контексте советская военная пропаганда предстает одной из первичных практик освоения чужого культурного пространства.

После войны образ Восточной Пруссии под влиянием ряда факторов (табуированность немецкого прошлого, боязнь возможного ревизионизма, особенности референтных групп и др.) законсервировался в официальной печати и десятилетиями воспроизводился в неизменном виде на страницах мирных послевоенных газет, в воспоминаниях и школьных учебниках. В нем, если исключить пропагандистскую составляющую, можно выделить (непосредственное) восприятие чужой культурной среды, в которую попали советские люди. Реконструкция этого восприятия представляет отдельную и интересную задачу.

По мере естественного ухода старших поколений, с исчезновением советского государства образ Восточной Пруссии, сформированный военной пропагандой в 1944–1945 гг., перестал быть массово воспроизводимым. Однако он до сих пор может быть использован как аргументационное средство в местных дискуссиях.

Список источников и литературы

1. Бирковский В. Г., Исупов В. С., Фарутин И. А. История нашего края: пособие для учащихся. Калининград, 1990.
2. Брускин А. Здесь стояли батареи // Калининградская правда. 1964. 9 апр.
3. Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981.
4. Бывший солдат // Калининградская правда. 1948. 22 февр.
5. В берлоге немецкого зверя // Красная звезда. 1945. 4 янв.
6. Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. Вып. 3(23). С. 34–60.
7. Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию: записки командующего 11-й гвардейской армией. М., 1970.
8. Генатулин А. Ю. Вот кончится война: повести и рассказы. М., 1988. URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/genatulin_au/01.html (дата обращения: 18.03.2011).

9. Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1989.
10. Гранин Д. А. Прекрасная Ута: повести и рассказы. М., 1974.
11. Калининградская область: очерки становления и развития. Калининград, 1988.
12. Копелев Л. Хранить вечно: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1: ч. 1–4.
13. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области: очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009. С. 7–34.
14. Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999.
15. Мерзлякова Е. Штурм Кёнигсберга // Калининградская правда. 1951. 8 апр.
16. Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. СПб., 2008.
17. Новиков И. В. Первые думпкары // Продолжение подвига. Калининград, 1967. С. 127–131.
18. Островский З., Кудреватых Л. Войска идут по Восточной Пруссии // Известия. 1944. 25 окт.
19. Падение Кёнигсберга // Правда. 1945. 13 мая.
20. Повалев М. Г. Организация специальной пропаганды при проведении наступательных операций Красной Армии на территории Польши и Германии // Идеологические аспекты военной безопасности. 2010. №2. С. 43–48.
21. Против фашистской фальсификации истории. М.; Л., 1939.
22. Сологубов А. М. Калининградская область: локальная история и локальная метафора // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX – XX веках. Челябинск, 2003. С. 277–290.
23. Шешунова С. В. Язык пропаганды 1918–1922 гг. в контексте русской культуры // Постсимволизм: [портал]. URL: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_content&task=view&id=33&Itemid=29 (дата обращения: 18.04.2011).
24. Якимович А. К. «Свой-чужой» в системах культуры // Вопросы философии. 2003. №4. С. 48–61.
25. Brodersen P. Die Stadt im Westen. Wie Koenigsberg Kaliningrad wurde. Göttingen, 2008.
26. Hoppe B. Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946–1970. München, 2000.
27. Matthes E. Verbotene Erinnerung: Die Wiederentdeckung der ostpreußischen Geschichte und regionales Bewußtsein im Gebiet Kaliningrad (1945–2001) // Osteuropa. 2001. №11/12. S. 1350–1375.
28. Штурм Кёнигсберга. Калининград, 1973.

Об авторе

Александр Михайлович Сологубов – канд. филос. наук, ст. преп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: aleks.sologubov@gmail.com

About author

Dr Alexandr Sologubov, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: aleks.sologubov@gmail.com